



Связанная кровью
с Королём Ликанов

Lenaleia Lenaleia

Связанная кровью с

Королём Ликанов. Книга 3

Серия «Связанная кровью с

Королём Ликанов», книга 3

<https://litres.ru/74657766>

0101

Аннотация

Адина когда-то была Луной своей стаи, но одно обвинение разрушило всё. Её назвали убийцей наследника Альфы, лишили титула, заковали в цепи и продали в рабство. Даже её предначертанная пара отвернулась от неё: поставив метку, он приказал скрывать их связь и поклялся никогда не признать её своей.

Теперь Адину отправляют к Торну Варгану Рукору – проклятому Королю Ликанов, самому грозному правителю царства. О нём шепчутся как о чудовище: звере, убийце, мужчине, который однажды уничтожил собственную пару и скормил её останки стервятникам.

Но когда Адина и Торн встречаются, между ними вспыхивает связь, которую невозможно игнорировать. Забытая сила просыпается, древнее пророчество начинает сбываться, а

король, поклявшийся больше никогда не любить, впервые за долгие годы желает женщину, которую весь мир считает падшей.

В мире, где власть покупается кровью, любовь становится сделкой, а предательство прячется за каждым обещанием, Адине предстоит узнать правду о своём прошлом – и понять, сколько на самом деле стоит её душа.

Содержание

Глава 101	5
Глава 102	14
Глава 103	21
Глава 104	27
Глава 105	34
Глава 106	41
Глава 107	50
Глава 108	57
Глава 109	65
Глава 110	71
Глава 111	78
Глава 112	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Связанная кровью с Королём Ликанов

Глава 101

Тихий шорох вырывает меня из сна. Я моргаю, вглядываясь в полумрак, и глаза постепенно привыкают к слабому утреннему свету пещеры.

Он ничем не отличается от вечернего — всё тот же свет от гирлянд на стенах. Просто он кажется темнее, потому что пробуждение ассоциируется с чем-то ярким и солнечным, а не с тусклым и... ну, пещерным.

Лили выползла из своего гнёздышка к краю алькова и выглядывает в основную часть пещеры. Она спала с заплетёнными в косы волосами, и теперь они в полном беспорядке: косы наполовину расплелись, а отдельные пряди торчат во все стороны.

— Роуэн? — шепчет она, слишком громко для настоящего шёпота.

— Его здесь нет. — Финн сидит у своих скомканных одеял, подтянув колени к груди. Для ребёнка, полного энергии, он выглядит каким-то отрешённым. Вчера он без умолку болтал, а сегодня... он какой-то монотонный.

Я пытаюсь сесть, но понимаю, что не могу пошевелиться.

Крошечное тельце Пип обвилось вокруг моего торса, словно коала, а её лицо так глубоко зарылось мне в шею, что я почти не чувствую её тёплого дыхания на коже. Оно просто есть.

Обе её пухленькие ручки безвольно обмякли в глубоком сне.

И как мне из этого выбраться?

— Пип, — шепчу я, нежно глядя её по спине. — Мне нужно встать.

Она сонно мычит в знак протеста и зарывается глубже, а её крошечные ручки сжимаются с удивительной силой.

— Давай, Пип-Пип. Пора завтракать.

— Не-е-ет, — бормочет она, прижимаясь ещё крепче. Её пальчики впиваются в меня, словно когти.

На нас падает тень. Я поднимаю голову и вижу, что надо мной стоит Ашер. В полумраке выражение его лица невозможно разобрать.

— Я заберу её, — предлагает он, протягивая руки.

Пип резко вскидывает голову, мгновенно проснувшись. Её глаза расширяются при виде протянутых рук Ашера. Из её горла вырывается рычание, совершенно не свойственное маленькому ребёнку — чистой воды животное предупреждение. Она отшлёпывает его руку и снова утыкается лицом мне в ключицу.

Его брови взлетают вверх, но уголок рта кривится в усмешке. — Что ж.

Он воспринимает это спокойно. Похоже, у него слабость

к детям.

— Прости, — бормочу я, пытаюсь сесть и не уронить Пип. Как только мамы с этим справляются? — Она... привязалась.

Я чувствую, как с другого конца комнаты хмурится Мэддокс. Чувствую, даже толком не глядя на него. Я не знаю, как долго он уже не спит. «Раньше она всегда сначала шла ко мне», — бормочет он, достаточно громко, чтобы я услышала. В его голосе за показным подростковым безразличием едва скрывается обида.

Но вместо того, чтобы заикливаться на этом, он переключает внимание на остальных. Он встаёт, разминает длинные конечности и с отработанной деловитостью подходит к Финну.

— Вставай, — говорит он незлобно. — От такого сидения толку ноль.

Младший мальчик не двигается с места.

Мэддокс вздыхает и присаживается рядом с ним на корточки. — Три секунды, и я понесу тебя завтракать. Раз, два...

— Я встаю. — Финн со вздохом поднимается.

Лили всё ещё выглядывает из-за угла, поджав колени к груди, и Мэддокс подходит, чтобы взъерошить ей волосы. — Давай. Роуэн вернётся позже.

— Он уже должен был вернуться, — возражает она, хотя в её голосе нет напора. — Он всегда возвращается к утру.

— Но его нет. Давай лучше позавтракаем. Сначала расче-

ши волосы, а то выглядишь так, будто сунула палец в розетку.

С помощью какой-то неведомой магии старшего из детей — по сути, старшего брата — Мэддокс поднимает их всех, расшевеливает и усаживает полукругом завтракать в общей жилой зоне. У Лили в руках пластмассовая расчёска, и после нескольких лёгких взмахов по волосам она умудряется выглядеть ещё хуже, чем до этого.

— Дай сюда, — говорит подросток, выхватывая у неё из рук расчёску. — Ты даже косы не расплела.

Она зевает. — Прости. Меня всегда причёсывает Роуэн.

Очевидно, что Мэддокс никогда раньше таким не занимался — он с трудом пытается снять с её волос чёрные резинки. Девочка то и дело взвизгивает, когда его пальцы, распутывая косы, продираются сквозь колтуны, но, похоже, под его пристальным взглядом ей стало лучше — она больше не смотрит неотрывно на вход, ожидая, когда вернётся Роуэн.

Я не знаю, что делать. Это не мои дети. У меня совершенно нет опыта общения с детьми. Я не знаю, что они едят, есть ли у них распорядок дня, как понимать их сигналы. Я не знаю, как утешить их, когда Роуэна нет рядом.

К горлу подступает внезапная, острая паника. Я не подписывалась на то, чтобы за одну ночь обзавестись четырьмя детьми. Я и со своей-то жизнью еле справляюсь. И тем не менее я каким-то образом беру на себя ответственность за малышку, которая от меня не отлипает, хотя я понятия не

имею, что делать или даже где лежат её чистые подгузники. За ними всегда ходил Мэддокс.

И если я возьму на себя заботу о Пип, то не смогу бросить остальных. Так что теперь они все на мне. Но Мэддокс всего на пару лет младше меня, и я понятия не имею, как мне научить девочку расчёсывать волосы. Как меня этому научила мама? Я даже не помню, чтобы я когда-то этого не умела.

Ашер прокашливается, вырывая меня из этого потока паники. Он подошёл к кухонному уголку и теперь стоит перед открытым холодильником с озадаченным видом.

— Почему здесь двенадцать фунтов моркови? — спрашивает он, заглядывая в его недра.

Неожиданность вопроса пробивается сквозь мою панику. — Что?

Он кивает на холодильник. — Морковь. Ею можно накормить целую конюшню лошадей.

— Э-э... она полезна для зрения?

Он хмыкает и подходит к высокому шкафу, который Роуэн приспособил под кладовку. Его брови медленно сходятся на переносице, пока он осматривает содержимое. — И что вы делаете с таким количеством яблок? — Он достаёт пакет с маленькими красными яблоками. — Тут ещё три таких пакета.

— Перекусы. И... клетчатка? — неуверенно предполагаю я.

— Их ест Пип, — подаёт голос Лили, взвизгнув, когда

Мэддокс добирается до очередного колтуна. — Правда, она пару раз кусает, а потом выбрасывает.

А-а. Значит, много еды уходит впустую.

Интересно, как это можно исправить.

Финн фыркает — первый признак того, что к нему возвращается его обычное состояние. — Роуэн называет их «хрустяшками». Говорит, что нам нужны витамины.

В его голосе слышится отвращение. Видимо, он не в восторге.

Ашер скептически осматривает овощи и фрукты, а затем пожимает плечами. Без дальнейших комментариев он достаёт яйца, хлеб и что-то похожее на чугунную сковороду. Он двигается с уверенностью человека, который точно знает, что делает: разбивает яйца одной рукой и закидывает хлеб в древний тостер.

Всё электричество в этом месте — не то чтобы его было много — поступает от удлинителей, протянутых под потолком. Кроме нескольких лампочек, почти все электроприборы находятся на кухне.

А именно: холодильник, одноконфорочная индукционная плитка, кофеварка, микроволновка и тостер. Я почти уверена, что их нельзя включать одновременно. У холодильника свой собственный удлинитель.

Понятия не имею, куда ведут эти удлинители, но выходят они из стены рядом с ванной комнатой.

Но моё внимание привлекают не чудеса современного

электричества. А Ашер, который молча хозяйничает на кухне и готовит завтрак. На нём та же одежда, что и вчера, волосы слегка растрепаны после сна, а лицо спокойно.

Глядя на него сейчас, я удивляюсь, как вообще могла принять его за серийного убийцу. Хотя, надо признать, раньше выражение его лица было куда мрачнее, и он, как правило, смотрел на меня исподлобья...

Эту его сторону я вижу впервые.

Он работает молча, и шипение яичницы наполняет печь. Когда тосты готовы, он раскладывает всё по разномастным тарелкам — понятия не имею, где он их откопал. Затем, к моему удивлению, он берёт нож и нарезает яблоки и груши тонкими ломтиками, раскладывая их небольшими горками на каждую тарелку.

Пип, всё ещё цепляющаяся за меня, наконец поднимает голову, учуяв запах завтрака. Из её приоткрытого ротика каплют слюнки, пока она смотрит в сторону Ашера.

— Финн, достань маргарин, — говорит Мэддокс, и младший мальчик, зевая, бредёт к холодильнику.

— Ай, — говорит Лили, когда он добирается до очередного колтуна. — Больно!

— Ну, если бы ты расчёсывалась перед сном...

— Роуэна не было дома!

— Тогда учись делать это сама.

— Хватит, дети. — Ашер ставит тарелки перед каждым из них, и Финн возвращается с ножом для масла и огромной

банкой маргарина. — Сначала ешьте. Закончишь с её волосами, когда она поест.

— Есть, сэр. — Мэддокс отбрасывает расчёску в сторону, садится на пол и, забрав у Финна нож, начинает мазать тост маслом.

Неудивительно, что, закончив, он протягивает его Лили. Она берёт тост так, словно это в порядке вещей, и он принимается за следующий.

Этот достаётся Финну.

Затем ещё один. Он подходит ко мне, и Пип, всё ещё пуская слюнки, уставляется на тост в его руке.

— Держи, Пип. Тост с маслом. Твой любимый!

Она мотает головой, и он хмурится. — Ты разве не голодна? Я же вижу, у тебя слюнки текут.

Пип снова мотает головой и утыкается мне в шею. Не зная, что делать, я протягиваю руку. — Давай сюда. Я покормлю её, когда она будет готова. А ты ешь свой завтрак.

Мэддокс хмурится, на его лице — маска подросткового разочарования. От этого зрелища у меня что-то острое сжимается в груди.

— Сядь. — От приказа Ашера Мэддокс дёргается и выпрямляется, а затем бредёт обратно на своё место на полу. Он, не отрываясь, смотрит в тарелку, ковыряя яичницу с большей силой, чем нужно.

Пип ёрзает у меня на руках и нетерпеливыми пальчиками тянется к тосту в моей руке. Её личико озаряется, когда

она откусывает огромный кусок, и крошки сыплются на её пижаму и мне на колени. С каждым кусочком она довольно мычит, и подросток снова бросает на нас взгляд.

Его лицо снова омрачается, когда он видит, как радуется Пип. Он быстро отворачивается, но я успеваю заметить обиду в его глазах.

Глава 102

Пип продолжает уплетать свой тост с маслом с такой жадностью, будто не ела месяц, хотя её пухлые складочки на тельце и противоречат этому.

Её мёртвая хватка на моей рубашке значительно ослабла, поскольку всё её внимание переключилось на еду.

— Вот оно что, — бормочу я ей в волосы. — Еда всегда побеждает страх.

Её широко раскрытые, сияющие глаза встречаются с моими, пока она жуёт. На кратчайший миг, клянусь, они меняют цвет с карего на синий, а потом снова становятся прежними. Ещё один кусочек тоста исчезает у неё во рту.

Мэддокс чистит банан и наклоняется, протягивая его в руке, словно пытается приманить дикого зверька. — Хочешь банан? Твой любимый.

Пип поворачивается на звук его голоса, и всё её тельце напрягается. Неуверенная улыбка на лице Мэддокса дрогнула, когда она открыла рот и оглушительный визг наполнил пещеру.

Никаких слов. Просто чистый, мучительный, пронзительный визг, и она откидывается назад, на мою грудь, с такой силой, что я начинаю заваливаться. Я успеваю упереться рукой в пол, и Ашер дёргается ко мне, словно собираясь меня поймать. К счастью, один из беспорядочно машущих ку-

лачков малышки отбивает его руку, прежде чем наши кожи успевают соприкоснуться.

— Прости, — бормочет Мэддокс, отступая с отвергнутым бананом. Поражение в его глазах заставляет мою грудь сжиматься от боли.

— Она привыкает, — говорит ему Ашер, с отработанной сноровкой забирая Пип из моих рук. Несмотря на её дикие, безумные движения, он, не моргнув и глазом, заключает её в объятия.

Она кричит ещё громче, а он отходит, направляясь на кухню. — Щенки, которые кричат, не едят, — предупреждает он её ровным, строгим голосом.

Крик только усиливается.

Лили подсаживается чуть ближе к Мэддоксу и стаскивает тост с его тарелки.

— Эй! — хмурится он, но не пытается его отобрать.

Ничуть не смутившись, она закатывает глаза. — Ой, да ладно, ты всё равно не собирался его есть. К тому же он остывает.

— Он уже был холодный, — ворчит Мэддокс, но в его голосе нет злости.

Визг Пип резко прекращается; она сердито жуёт кусок яблока, глядя на меня из-за плеча Ашера. Мой навык расшифровки младенческой мимики ещё не отточен, но я почти уверена, что сейчас у неё взгляд в стиле «ты-меня-предала».

Я отвожу взгляд. Смотреть ей в глаза кажется плохой иде-

ей.

Финн ковыряет вилкой яичницу, но так и не ест, так что я переключаю внимание на него. Рядом со мной стоит тарелка с нарезанными яблоками — должно быть, её поставил Ашер. Я молча подвигаю тарелку к мальчику.

Сначала я думаю, что он не заметил. Затем, не поднимая головы, он берёт дольку яблока и отправляет её в рот. Его плечи едва заметно опускаются.

Во всём этом столько тихого домашнего уюта, что моё сердце наполняется теплом, хотя паника на задворках сознания никуда не делась.

Это стая. Не та, в которую меня приняли, не такая поверхностная, чтобы отказываться друг от друга, как только что-то меняется. А настоящая стая — сумбурная, неловкая и формирующаяся прямо у меня на глазах.

А Ашер? Он тоже её часть.

Кажется, его это устраивает. Больше, чем меня, а ведь это меня тянет к этим детям так, что я не могу объяснить этого даже самой себе.

— Ты в порядке? — Голос Ашера вырывает меня из мыслей. Я смотрю в пустоту, наверное, с безумным видом, а он стоит всего в нескольких шагах и хмуро смотрит в мою сторону.

Пип больше не тянется ко мне, обе её ручки заняты размякшим яблоком, щёки раздуты. Он не то чтобы завоевал её расположение, но, похоже, они достигли своего рода пе-

ремирия.

— Я в порядке. Просто задумалась.

Он мгновение наблюдает за детьми с задумчивым выражением лица. Они почти закончили есть, но Финн съел лишь несколько кусочков яблока. Не уверена, что хоть крошка яичницы миновала его убийственную вилку и попала ему в живот. — Они нервничают.

Это не вопрос, но я всё равно киваю. Отсутствие Роуэна их напугало. Он их спаситель, так что это логично.

— Эхо, Роуэн и Волчий Глаз скоро должны вернуться, — небрежно говорит он, достаточно громко, чтобы все слышали. — Они выслеживают вчерашнего преступника.

Он не упоминает ни Эвана, ни его спутника-волшебника, и мне интересно, с группой ли они или устроились где-то в другом месте.

Все трое старших детей одновременно вскидывают головы, их внимание приковано к Ашеру.

— А как же остальные? — спрашиваю я, подыгрывая ему.

— Они помогают, — туманно отвечает он, и я думаю, может, он и сам не знает. Он не кажется особенно обеспокоенным на их счёт. — Но теперь, когда Великая мертва, здесь всё изменится.

Вилка Лили со звоном падает на тарелку. — Великая мертва? — её голос срывается на более высокие ноты. — Правда? Точно-точно?

— Откуда вы знаете? Вы уверены? — требует Финн, по-

давшись вперёд.

Они оба говорят, перебивая друг друга, и их голоса с каждым вопросом становятся всё громче.

— Когда вернётся Роуэн?

— С ним всё в порядке?

— Это и правда была девушка с радужными волосами? — это Лили. Должно быть, она подслушивала, когда мы вчера разговаривали с Эхо. Удивительно, учитывая, как её ошеломило одно лишь присутствие Ашера.

Ашер поднимает руку, и они тут же замолкают. Это какое-то мгновенное послушание, идущее из глубины их оборотнической натуры, реакция на присутствие Короля Ликанов.

— Скоро, — говорит он спокойным и уверенным голосом. — У них не уйдёт много времени на то, чтобы искоренить остальные здешние проблемы.

Плечи Лили заметно расслабляются, а Финн медленно выдыхает, кивая своим мыслям. Мэддокс, однако, наблюдает за Ликаном с оценивающим взглядом. В отличие от младших, он понимает — это не так просто, как убить одного монстра и со всем покончить. Его взгляд метнулся ко мне, и я узнаю в нём тяжесть этого знания.

— Значит, мы в безопасности? — спрашивает старшая девочка голосом тише, чем я когда-либо у неё слышала.

— Вы в безопасности, — подтверждает Ашер. Его глаза встречаются с моими, передавая больше, чем слова. — Ми-

мо меня ничто не пройдёт.

Когда он говорит это так, даже я ему верю.

Пип ёрзает у него на руках, глядя на него снизу вверх, а её крошечные пальчики сжимаются и разжимаются во всемирно известном жесте «дай». Мэддокс вскакивает и протягивает ей отвергнутое ранее банановое подношение, и она радостно гулит.

Он широко улыбается.

Это самое расслабленное выражение лица, которое я когда-либо у него видела, и мне хочется обнять его от облегчения.

— Эта вечно голодная, — говорит Лили с усталым авторитетом человека втрое старше своего возраста. — Роуэн говорит, это всё из-за обращений. Сжигают много энергии.

— Так и есть, — подтверждает Ашер, усаживая её на бедро и возвращаясь в кухонную зону. — Особенно в юности, когда растёшь. Ты, наверное, была такой же, когда была щенком.

— Я не щенок, — говорит она, запихивая в рот тост.

— Теперь да.

— Хм, — она задумчиво жуёт.

Мэддокс наблюдает за Пип, улыбаясь, когда та роняет кусок банана на пол. Она смотрит через плечо Ашера полными слёз глазами, словно её старший брат может каким-то волшебным образом вернуть его ей в руки.

— Кажется, она легко приспосабливается, — бормочу я,

радуясь более ободрённому выражению на его лице.

— Младенцы обычно такие.

Глава 103

Волчий Глаз

За последний час у меня в пятый раз сводит левую ногу. Чёртовы компактные внедорожники и их презрение ко всем, кто выше ста восьмидесяти сантиметров. Я ёрзаю, пытаюсь найти положение, в котором колени не будут упираться в горло, но в этой консервной банке на колёсах облегчения не найти.

Приближается рассвет, и его бледные розово-золотые пальцы уже ползут по светлеющему небу.

А мы всё ещё на шоссе.

Пункт назначения неизвестен, а за рулём сидит та, что скорее превратит нас в амфибий, чем ответит на вопросы.

Мы ехали всю ночь, и атмосфера в машине, прежде наполненная отголосками ярости и глубокой скорби, сменилась чем-то хрупким. словно от одного неверного вдоха мы рискуем заново всё вспомнить.

На заднем сиденье парень из Голубой Горы храпит, прижавшись головой к стеклу. Хнычущий волшебник спит на его плече, время от времени подёргиваясь. Один раз он дёрнулся так сильно, что очки слетели с его лица. Это его не разбудило, даже когда Роуэн нацепил их обратно.

Странный парень — ангел или кто-то вроде него... по-видимому — всё это время не спал, словно привык жертвовать

сном ради заданий.

Ну и, конечно же, Эхо.

Одна её рука с небрежной уверенностью лежит на руле, другая — на двери. Словно она могла бы вести по этой дороге с закрытыми глазами.

Она молчала уже несколько часов, но её губы из плотно сжатой линии превратились в чуть поджатые, а в уголках глаз больше не собирались морщинки — взгляд, устремлённый вперёд, стал более расслабленным. В воздухе вокруг неё всё ещё витал намёк на кипящую ярость, но, по крайней мере, я был почти уверен, что она не подожжёт машину.

Я снова это замечая — слабое мерцание на её костяшках. Едва уловимое сияние, пульсирующее под кожей, когда она думает, что никто не смотрит.

Она могущественна. Обратни не сталкиваются с её видом магии, но даже я понимаю, что она превосходит всё, что я видел раньше. И вся эта сила едва сдерживается хрупкой девушкой с радужными волосами и странными глазами, которые мечутся между человеческими и кошачьими.

Без предупреждения она сворачивает на съезд, и внедорожник плавно съезжает с шоссе на просёлочную дорогу.

— Мы скоро приедем? — спрашиваю я, разминая затёкшие плечи.

— Нет, — её голос звучит ровно. Конец разговора.

Чёрт.

За исключением одной остановки, чтобы заправиться и

дать Джасперу отчаянно рвануть в туалет — и чтобы прополоскать рот от привкуса рвоты, и чтобы воспользоваться удобствами в более традиционном смысле — мы так и не выбрались из этой чёртовой консервной банки на колёсах. Она женщина, у которой есть цель.

Опасная. Симпатичная, но смертельно опасная, если посмотреть на неё не так.

Я изучаю её профиль, острую линию челюсти, слегка вздёрнутый нос. В ней всё — сплошное противоречие: с виду она кажется мягкой, но при этом способна на столь тайные вещи, что они кажутся почти незаконными.

— Так кто ты такая, если точнее? — этот вопрос мучил меня уже давно, и стал только острее после того, как я увидел, как она вышла из того места — с чистыми руками, но с призраками в глазах. — Я и раньше видел могущественных существ, но ты — нечто иное.

Никто не мог вот так швыряться Ашером, как она, это уж точно, чёрт возьми. Не зря же он заслужил мою верность.

С заднего сиденья шевелится Джаспер. Его ресницы дрожат, глаза открываются и с пугающей пристальностью останавливаются на Эхо. — Она... — его голос срывается на благоговейный шёпот. — Она больше, чем просто могущественна. Я это чувствую. Словно мы стоим слишком близко к солнцу.

Звучит поэтичнее, чем обычно — наверное, потому что он полусонный.

Взгляд Эхо метнулся к зеркалу заднего вида и обратно на дорогу. Тишина затягивалась.

Меня должен бы раздражать её отказ отвечать. За такое дерьмо я бы не раздумывая наехал на Ашера. Но с ней я... заинтригован. Её таинственность обостряет что-то во мне, любопытство, граничащее с голодом.

У неё на переносице россыпь веснушек. Раньше, по колёно в крови и посреди хаоса, я их не замечал. Они так неожиданны для кого-то настолько пугающего — словно полевые цветы, растущие на вулканическом поле.

Её осанка излучает уверенность, глубинное, до мозга костей, осознание того, что она именно там, где и должна быть. Даже когда она злится.

Будем честны, я заметил её изгибы в тот самый миг, как мы встретились. Я же не мёртвый. Но это чувство, ползущее вверх по позвоночнику, — не просто влечение. Оно другое. Будоражающее. Смотреть на прекрасного хищника и гадать, стоит ли подбираться ближе, просто чтобы увидеть, что будет — вот такая навязчивая, безрассудная тяга.

— Почему ты так смотришь? — спрашивает она, не отрывая глаз от дороги. Её тон сухой, как пыль, и мне интересно, изменился бы он, если бы я сказал, что хочу сорвать с неё одежду и трахать до тех пор, пока она не начнёт умолять.

Такая сильная, как она, будет требовать ещё моего члена? Он дёргается от одной только мысли.

Я позволяю уголку своего рта приподняться и целуюсь в

менее... взрывной ответ. — Пытаюсь тебя разгадать.

— Можешь не стараться, — её слова холодно и чисто рассекают воздух между нами. — Ты даже не будешь знать, с чего начать.

С заднего сиденья Роуэн прокашливается. — Лучше не связываться с такими, как Ведьма Эхо. — Его голос звучит благоговейно, но это то благоговение, при котором боишься, что тебя за грехи обратят в пепел.

Эван шевелится впервые за несколько часов. Похоже, атмосфера в машине разбудила даже пацана.

Я оборачиваюсь, желая узнать больше. — Ведьма Эхо? Это звание или предупреждающая наклейка?

Эхо, конечно же, ничего не говорит.

Атмосфера в машине меняется, становится тяжелее. Эван и Джаспер ёрзают на своих местах, а потом снова притворяются спящими, но ритм их дыхания не меняется.

Словно произнесённые вслух слова разбудили что-то древнее, что-то, чему лучше спать вечным сном. От этого у меня сводит живот, а уши встают торчком. За этим стоит история, информация, которую нужно выкопать. Скрытые тайны.

Или, может, на старости лет я становлюсь слишком мечтательным.

В тусклом предрассветном свете Роуэн встречается со мной взглядом. — Если ты не знаешь... значит, тебе и не нужно.

Чёрт.

Снова облом.

Я откидываюсь на сиденье, не сводя с Эхо глаз. Восходящее солнце играет в её волосах, зажигая буйство красок. Меня должна была бы напугать нависшая над нами тяжесть, явное предупреждение в голосе Роуэна.

Вместо этого я на крючке.

Хорошо, что я никогда не слушал предупреждений.

Глава 104

Волчий Глаз

Моя и без того затекшая нога врезается в дверную панель, когда мы влетаем в очередную выбоину.

Ебучие внедорожники для мамаш.

Сквозь пыльное лобовое стекло показывается жалкое подобие строения. Ничего особенного — просто потрёпанный сарай для хранения, к которому сбоку на соплях прилепили подобие террасы. У него дешёвая металлическая крыша, и, скорее всего, он протекает каждый раз, когда идёт дождь.

Вокруг ничего, кроме разросшихся сорняков и редких сосен. И, наверное, видов пятьсот пауков, но мы не будем говорить о том, как один большой и грозный Ликан до усрачки боится укусов паука-отшельника.

Я всякое дерьмо повидал, ясно? И это мерзко.

В общем, это такое место, которое пропустишь, если моргнёшь, проезжая мимо, но Эхо уже сбавляет скорость.

Эван наклоняется вперёд. — Хм. Похоже, кто-то пытался построить крошечный домик.

Ага, и облажался.

Никто не отвечает на его идиотское замечание. Джаспер больше не храпит — видимо, его голова слишком сильно тряслась на гравийной дороге, чтобы он мог и дальше спать, — а Роуэн так напряжён, что его нервная энергия прямо-та-

ки расходится по всей машине.

Эхо хмурится. Она тоже больше не расслаблена, но в ней нет того острого предвкушения, которое я чувствую от Роузена. Нет, она кажется... раздражённой. Может, разочарованной. Запахи то появляются, то исчезают, смешиваясь, пока их не становится трудно различить.

Что бы она ни искала, это не то. Или, по крайней мере, не то, что она ожидала найти.

Она глушит двигатель, но застывает на своём месте. Её пальцы начинают отбивать по рулю ритм: раз-два-три, раз-два-три, — словно она отсчитывает такт похоронного марша, который слышит лишь она одна.

К чёрту ожидание. Мне нужно пошевелиться, пока нога окончательно не приросла в этом положении. Кто бы здесь ни был, он уже наверняка слышал, как мы подъезжали, так что я вряд ли испорчу сюрприз нашего прибытия.

С кряхтением вытолкнув дверь плечом, я выбираюсь наружу. Когда я потягиваюсь, спина хрустит в трёх местах, а мышцы бёдер вопят от протеста.

Не спать всю ночь? Легко. Драться? Без проблем. Складываться в гармошку для долгой, мать её, поездки, которой я не ожидал? Отстой полный, чувак.

Остальные практически вываливаются за мной, как только открывается задняя дверь. Эван делает это грациознее, со всей своей юношеской резвостью, но даже на его лице написано облегчение, когда он тянется к небу. Сначала одной ру-

кой, потом другой.

Роуэн тем временем потягивается, как старик. А я? Я вынужден скрывать скрип суставов. Не хочу, чтобы Эхо подумала, будто я слишком стар, чтобы за ней поспевать.

А вот волшебник выглядит просто до жалости благодарным за то, что выбрался из вонючих подмышек и застарелых сигарет. Никто из нас не курит; этот запах просто въелся в обивку машины.

Но Эхо по-прежнему не двигается. Она просто сидит, всё так же постукивая пальцами, и смотрит на сарай так, будто вычисляет, сколько именно силы понадобится, чтобы разнести его в щепки.

Я разминаю шею и делаю глубокий вдох утреннего воздуха.

И тут я застываю.

Он бьёт мне в ноздри, как кувалда, — не приятные лесные запахи сосны, земли и утренней росы, а что-то прогорклое. Не обычная гниль. Не сбитое на дороге животное, не мусор и даже не слишком долго пролежавшая туша.

Это нечто более глубокое. Древнее. Неправильное.

Это та же вонь, что пропитала тюрьму Селены, но менее разбавленная. Более концентрированная. Такая вонь, после которой хочется содрать с себя кожу.

У меня шерсть встаёт дыбом, волчьи инстинкты бьются о человеческую кожу. Каждый мускул сжимается в пружину, готовый к обращению, к бою.

Я оглядываюсь и вижу, что не один я его уловил. Роуэн стоит как вкопанный, его лицо непроницаемо, но плечи напряжены. Губы Эвана сжаты в тонкую, плотную линию. Лишь один Джаспер, похоже, ничего не замечает и тихонько разглядывает облака, будто мы, блядь, на прогулке на природе.

Я наклоняюсь, чтобы заглянуть в пассажирское окно и посмотреть на Эхо.

Охренеть.

Выражение её лица наглухо застыло, но за этими странными глазами шёл расчёт, нарастала холодная ярость. Она выглядит как человек, планирующий резню.

Я много раз видел такой взгляд на лице Ашера. Я точно знаю, что вижу.

Мой волк скулит где-то на задворках сознания. Сраный трус. Он сам не свой с тех пор, как Эхо превратила того мужика-ангела в жабу.

И да, может, у меня у самого от этого коленки на мгновение подкосились. Но я это пережил. А он — нет.

Наконец она открывает дверь и выскальзывает наружу с текучестью Виолетты.

— Не расслабляйтесь, — ровно говорит она, ни на кого из нас не глядя. — Мы здесь не останемся.

Не то чтобы кто-то из нас хотел оставаться в этой вонь.

Я бросаю на неё косой взгляд и что-то одобрительно мычу в ответ. Но когда она направляется к сараю, я встаю у неё на

пути, заслоняя её своим телом от того, что за пиздец ждёт внутри.

Это глупо. Она, наверное, может размазать меня по земле, приложив меньше усилий, чем я трачу на обращение. Но некоторые инстинкты глубже самосохранения.

Когда я оглядываюсь на неё, она вскидывает одну идеальную бровь, как будто точно знает, что я делаю, и не считает это милым.

Да и ладно.

Не то чтобы я пытался заработать себе очки. Пока что.

Это просто элементарная вежливость.

И, может быть, способ заставить её заметить мою задницу. Я слышал, она у меня просто фантастическая.

С каждым шагом к сараю запах смерти становится сильнее. Мой мозг раскалывается на три части: одна вопит о злой магии, вторая отслеживает положение всех в нашей группе, а третья...

Третья часть никак не может перестать оглядываться на неё.

Восходящее солнце поджигает её радужные волосы, превращая каждую прядь в драгоценный камень разного оттенка. Её кожа светится в тёплом свете, а веснушки на переносице становятся заметнее. Она должна бы выглядеть измотанной после ночной поездки через ад и обратно, но вместо этого она выглядит...

Свирепой. Могущественной. Охуенной.

Слишком, слишком охуенной.

— Много птиц, — комментирует Джаспер, следуя за нами и по-прежнему ничего не замечая.

Эван хлопает его по спине; я слышу движение, но не вижу его лица. Вероятно, он слегка раздосадован неспособностью человека почувствовать то, что чувствуем мы все.

По крайней мере, его пустой комментарий помогает мне отвлечься от похотливых мыслей.

Она не благодарит меня за то, что я пошёл первым, но, клянусь, в её глазах мелькает что-то вроде одобрения, когда она думает, что я не смотрю. Или, может, это я выдаю желаемое за действительное. Это посылает разряд жара прямо мне в пах, что является абсолютно неправильной реакцией, когда идёшь навстречу тому, что пахнет верной смертью.

Когда мы приближаемся к сараю, вонь становится настолько сильной, что у меня начинают слезиться глаза, и моё либидо наконец обращает на это внимание и отступает. Я отслеживаю изменения в осанке Эхо: как напрягаются её плечи, как шаги становятся более выверенными, а дыхание — поверхностным.

Я оглядываюсь на неё, кажется, в тысячный раз. Может, идти первым было ужасной идеей. Я хочу иметь возможность видеть её постоянно. Роуэн, этот болван, как всегда некстати, встаёт рядом со мной, сжимает кулаки и пялится на дверь.

Конечно, он, вероятно, понятия не имеет, что я тут пя-

люсь на странную ведьму, но логика ничуть не умирляет моего раздражения. Конечно, я не из тех парней, кто это показывает. Запихнуть поглубже. Волчий Глаз всегда беззаботен и спокоен, чёрт побери.

— Это она? — спрашивает он Эхо. По крайней мере, я предполагаю, что он спрашивает её, поскольку никто из нас не понимает, о чём он говорит.

Она не отвечает сразу. Её правая рука медленно поднимается ладонью наружу, и под кожей нарастает мягкое свечение, будто она заточила под ней звёзды. Только ярче, потому что их видно даже при солнечном свете.

— Нет, — говорит она, и в её голосе звучит усталость от знания, которого нет ни у кого из нас. — В каком-то смысле, даже хуже.

Дверь распаивается.

Глава 105

Эхо

След не остыл. Он ледяной. Кримогенно запечатанный в сожалениях и тщетности.

Я знала, что здесь будет пусто, ещё до того, как мы свернули на подъездную дорогу, но дотошность — один из многих уроков, усвоенных за мучительные столетия. Она означает проверку каждой зацепки, даже той, от которой за версту несёт впустую потраченным временем.

Лучше отбросить все варианты сейчас, пока они не вернулись, чтобы утащить тебя в другое измерение на три недели, четыре дня, семнадцать часов и одиннадцать минут.

Это воспоминания, к которым я предпочла бы не возвращаться. И не переживать их снова.

Волчий Глаз выходит первым, вытягивает своё длинное тело, будто его слишком долго держали сложенным в оригами-волка. За ним следуют остальные. А я? Я слишком раздражена, чтобы даже открыть эту чёртову дверь.

Я уже знаю, что там внутри.

Барабания пальцами по рулю, я плююсь на входную дверь, гадая, насколько суровыми окажутся ограничения, если я устрою здесь разнос.

Соблазнительно. Ох, до чего же, блядь, соблазнительно.

Но остаться без сил, пытаясь выследить ублюдка, который

пытается реанимировать Селену, было бы глупым решением, так что мне нужно успокоиться, прежде чем я сорвусь с катушек.

Глубокий вдох.

Медитация никогда не была моей сильной стороной. Слишком импульсивная, слишком вспыльчивая, слишком... оправдания бесконечны, но всё сводится к одной и той же основной проблеме. Это не вяжется с моим характером.

И всё же я заимствую у неё толику спокойствия, чтобы остудить ярость, кипящую в моей крови.

Глубокий, глубокий, глубокий вдох.

Нужно сделать это в машине, потому что вдохнуть полной грудью смерть и кровавую аркану — значит лишь ещё сильнее поднять себе давление.

Наконец, снова обретя равновесие и контроль, я выскальзываю из машины, делая вид, будто ничего ужасного вот-вот не произойдёт.

Волчий Глаз опережает меня, расправляя плечи и принимаясь к воздуху.

Что ж. Неожиданно.

Его волк, может, и съёжился от страха, но его человеческая половина всё ещё сохраняет некоторые функциональные инстинкты. Хм. Приятно видеть, что он ещё на что-то годен, даже когда боится моей силы.

Думаю, я понимаю, почему этот надоедливый Король назначил его бетой. Он Ликан альфа-уровня, а значит, имеет

право бросить вызов Ашеру за его трон. Но вместо этого он служит с абсолютной преданностью.

Его Королевское Тупоумие делает хороший выбор. Иногда.

Магия в моих венах покалывает сильнее, когда я подхожу к сараю. Я уже знала, что почувствую, но для моих ощущений это всё равно странно и неправильно. В воздухе висит смрад гнили, густой, как сироп, но магический ландшафт вычищен до блеска. Стерильно.

Для людей это выглядело бы так, словно мы наткнулись на кровавое место преступления, с которого стёрли все отпечатки пальцев и ДНК.

Намеренно созданная пустота.

Мой желудок сжимается.

Даже Селена, эта гноящаяся паразитка, оставляла после себя грязь и осадок. Магические улики. Мистический отпечаток, который можно было отследить.

А это? Это — ничто.

Это зачистка уровня Жнеца.

То, что даже Роуэн, потомок ангела, не может в точности повторить.

Когда мы подходим к двери сарая, я поднимаю руку, чувствуя, как под кожей формируется знакомый узор заклинания временного якоря. Аркана струится с моих пальцев в окружающий воздух, сплетаясь в большой пузырь застывшей реальности.

Мой телефон дзинькает. Как по команде.

Я игнорирую его. Приложение «Божественная Связь» может поцеловать меня в задницу. Я не позволю этим идиотам наткнуться на Жнеца. Это я их сюда притащила; их защита не должна, блядь, быть вопросом Правдоподобия. Конечно, для команды Баланса базовая логика обычно ничего не значит.

— Это она? — спрашивает Роуэн, и я чувствую, как под его обманчиво мягкими словами кипит гнев.

— Нет. В некотором смысле, всё хуже.

Дверь сарая, конечно же, распахивается без малейшего скрипа. Они бы никогда не допустили чего-то столь приземлённого, как скрипящая петля.

Временной якорь устанавливается с беззвучным щелчком. Для Волчьего Глаза и остальных ничего не изменилось. Они застыли на месте, повиснув между одной секундой и следующей.

Для меня мир окрашивается в странную, приглушённую палитру застывшего времени. Цвета слегка блекнут. Звуки гложут. Всякое движение иссякает в идеальной неподвижности, словно я заключила нас в снежный шар и запечатала его шёпотом.

Выходит фигура, и я с трудом сдерживаю желание закатить глаза.

Жнец всё так же раздражающе красив — фарфоровая кожа и глаза, подобные чёрным зеркалам, что всё отражают и

ничего не поглощают. На нём нелепая униформа, на которой они все настаивают: матово-чёрный плащ с тенями, которые цепляются за него слишком долго, слишком густо. И, естественно, коса в полный рост.

Она чисто для вида. Им не нужна коса, чтобы жать души, а вредить чему-либо живому им не позволено. Полагаю, они могли бы использовать её в битве с Божественностью, но все такие битвы строго регулируются, спасибо правилам Правдоподобия и Причинности.

— Всё ещё используете их для равновесия, я смотрю, — сухо говорю я.

Его губы изгибаются в улыбке, но на лице не дрогнул ни единый мускул. Жутко для людей, но нормально для тех из нас, кто вырос с этими мудаками. — Мы вас ждали.

Я скрещиваю руки на груди, перенося вес на одно бедро. — Хватит играть в игры. Почему вы здесь так рано? На то ведь есть причина? Кто за этим стоит?

— Вы создали нить отклонения. — В его голосе ровно те же интонации, что и триста лет назад, то есть — никаких. Монотонный ублюдок. — Мы не единственные, кого отправили для достижения баланса.

— Слушай. У меня есть дела поважнее, чем играть с тобой в бинго из загадочной херни. Сожги сарай, уничтожь улики, делай всё, что там тебе нужно для прикрытия задницы. Но я не остановлюсь, и ты не сможешь меня заставить. Так что либо присоединяйся, либо убирайся с моего пути.

Он вздыхает; звук слишком идеальный, чтобы быть настоящим. — Ты когда-нибудь устаёшь бороться с той самой системой, в которой родилась?

— А ты когда-нибудь устаёшь быть космическим старостой? Трахнись с кем-нибудь. Научись расслабляться. Может, попробуй йогу.

Улыбка играет в уголках его губ. — Это приглашение?

— Я не трахаюсь с нежитью.

Он усмехается, делая шаг ближе, и одна его бледная рука тянется к моему лицу. — Я припоминаю иное.

Я отбиваю его руку, прежде чем он успевает дотронуться до меня. — За триста лет, что я тебя не видела, твой флирт стал только более жутким.

— Я скучаю по тебе, Эхоэль.

— Ты просто извращенец с модной должностью.

— Когда-то тебе очень даже нравился мой характер, — его взгляд скользит к моим губам. — До последней чумы.

— Ты был моим бунтарским периодом, Дариус. Пока я не поняла, что ты не бунт. Ты был бюрократией с более точёными скулами. Притворялся, что идёшь против системы, пока сам же под неё прогибался.

Он смеётся, и этот смех до неприличия красив. Впрочем, в этом вся суть Жнецов. Слишком красивые, чтобы быть настоящими. — Мы здесь закончили. Можешь снимать свою магию. — В его глазах вспыхивает что-то слишком похожее на голод. — Увидимся в следующий раз.

От этого обещания у меня по коже бегут мурашки. Он исчезает — вместе с теми, чьё присутствие я чувствовала внутри сарая, теми, кто прятался, вместо того чтобы выйти и встретиться со мной лицом к лицу — оставляя после себя лишь слабый запах лимона.

Я со вздохом снимаю временной барьер, и реальность с щелчком возвращается в нормальное русло.

Волчий Глаз и остальные тут же напрягаются, чувствуя сдвиг, но не в силах понять, что изменилось. Рыжеволосый волк поднимает голову, его ноздри раздуваются, а на лице отражается замешательство.

— Запах, — говорит он, переводя взгляд с меня на дверь сарая. — Смерд смерти просто... исчез.

— Входить безопасно. — Я уже поворачиваюсь обратно к внедорожнику. Теперь нет смысла заходить внутрь. — Вы не найдёте ничего полезного.

Волчий Глаз снова прищуривается, хмуря брови. — Пахнет... лимонной полиролью для мебели.

— Ага, — бормочу я. — Похоже на то.

Глава 106

Я распахиваю дверь шире и захожу в сарай первым, потому что так поступают, когда ты второй в команде. Идти первым. Оценка. Защита. Вся эта хрень.

И уж точно не потому, что я хочу, чтобы Эхо заметила, как я могу о ней позаботиться, даже если она — самый сильный человек в нашей разношёрстной компашке.

Резкий запах лимона снова бьёт в ноздри, но под ним...
— Блядь.

На бетонном полу распласталось тело, руки и ноги вывернуты под неестественными углами, будто его уронили с большой высоты. Слишком неловкая, слишком неестественная поза. словно перед смертью он пытался свернуться калачиком.

— Что там? — окликает меня сзади Эван.

Я не отвечаю сразу, мой взгляд прикован к труп. Нет крови. Нет следов борьбы. Просто парень — Фиддлбэк — мёртвый на полу. И я его знаю.

Но больше всего тревожит поведение Эхо. Она стала странной, как только мы подошли к двери. Напряглась как-то по-другому, не так, как раньше, и её больше не интересовало, что внутри.

К тому же дверь распахнулась сама по себе, что чертовски жутко, ведь я вижу, что петли и защёлка в идеальном состо-

нении. Наверное, кто-то просто не закрыл её как следует, но мой счётчик стрёмной магии — недавно приобретённый и всё ещё сбоящий — подаёт сигналы.

И как раз когда я собираюсь выкрикнуть предупреждение, сзади подходит Джаспер и тут же отшатывается. Его слабый желудок снова дал о себе знать.

— О боги... — его лицо зеленеет, и он уносится прочь. За его поспешным уходом следует безошибочно узнаваемый звук рвотных позывов.

Эван встаёт рядом со мной и, сморщив нос, сильно приплюхивается. — Почему не воняет сильнее?

Я задаюсь тем же вопросом. От мёртвого тела должно смердеть, особенно для нашего обоняния. Но всё, что я чувствую, — это странный лимонный аромат, наслоившийся на едва уловимый шёпот смерти. Вся эта ужасная гниль и странная тьма? Всё исчезло, будто и не было. Словно я всё это вообразил.

Роуэн обходит тело по широкой дуге и направляется прямо к металлическим шкафам у дальней стены. Он начинает методично их открывать, простукивая стены в поисках чего-то. Он же вроде как наполовину ангел или что-то в этом роде, да? И всё же он даже не смотрит на труп. Он занят поисками... Не уверен, чего именно.

Улик, может быть. Или угроз. Ловушек?

Наконец мимо меня проскальзывает Эхо. Её радужные волосы ловят тусклый свет, когда она садится на корточки

рядом с телом с тем жутким спокойствием, которого я уже начинаю от неё ожидать. Словно смерть — это просто очередной вторник.

Я-то думал, она возвращается к машине, но, видимо, снова передумала. Странная женщина. Но всё равно дико привлекательная.

— Это Гриффин, — спокойно говорю я ей. — Фиддлбэк. Он привёз Ашера с больницы на их территорию.

Парень молодой. Жаль, что родился в такой дерьмовой стае. Просто глупый пацан. Сомневаюсь, что он по-настоящему понимал, что замышляла его стая.

А может, и понимал. Может, его невинность и юность скрывали внутри нечто более тёмное. Интересно, была ли Виктория такой же. Она, наверное, тоже мертва, спасибо Ашеру и Фенрису.

Лицо Гриффина выглядит умиротворённым, несмотря на вид его тела. Никаких видимых ран, не считая странного положения конечностей.

Но Эван прав. Запах совершенно неправильный. Он уже разлагается, его живот вздут, кожа разрушается и...

Погодите-ка.

Два дня назад он был жив.

— При такой стадии разложения должно вонять сильнее, — говорит Эван, всё так же заикленный на запахе.

— Два дня назад он был слишком уж жив, чтобы разложиться до такой степени, — отмечаю я.

Эхо, не впечатлившись моим наблюдением, не отрывается от осмотра. — Запах вернётся. Сейчас чисто только из-за санобработки.

— Какой санобработки?

Её пальцы висят над грудью Гриффина, почти не касаясь её. Интересно, она колдует?

— Здесь уже были Жнецы, — рассеянно объясняет она, убирая пальцы. На его груди какие-то волосы. Короткие, седые. Может, шерсть.

Но мой мозг куда больше озабочен её маленькой словесной бомбой. — Жнецы? Какие ещё жнецы?

Затем, подумав ещё миллисекунду, я уточняю: — Ты не имеешь в виду... Мрачных Жнецов?

Она медленно поворачивает голову, одаривая меня пустым, испепеляющим взглядом, будто я — самый большой идиот в комнате. — А какие ещё здесь имели бы смысл?

— Ясно. — Очевидно, в этой сверхъестественной хранилище есть нечто большее, чем то, чему нас учат в стаях, и мне не нравится чувствовать, что меня превосходят. Надо будет поговорить с Ашером о повышении нашего образования.

Эхо остаётся сидеть на корточках возле Гриффина, молчаливая и задумчивая. Тишина неловко затягивается. Роуэн возвращается и встаёт рядом с ней, и жалкие двадцать пять сантиметров между ними вызывают во мне странное собственническое раздражение.

Я в жизни никогда не испытывал собственнических

чувств к женщине.

— И что теперь? — бурчу я. — Пытаешься додуматься до ответа?

Она не смотрит на меня, её взгляд прикован к телу. Отсюда не видно, но держу пари, её зрачки снова превратились в кошачьи щёлочки. Похоже, это всегда происходит, когда она напряжённо думает или колдует. — Они пожертвовали жизненноспособным молодым волком. Не из тех, кого держат для размножения. Это значит, они близко. Очень близко.

— Тогда почему бы тебе не выследить их отсюда?

— Не в смысле расстояния, дурак. — Она откидывается назад, садясь на пятки, и больше не наклоняется вперёд, наблюдая. Что-то мелькает на её лице — вероятно, зарождается идея. Её запах стал немного резче от появившейся цели.

— Эй. Волшебник, — внезапно зовёт она.

Джаспер снова появляется в дверном проёме, неохотно пробираясь внутрь. Он неуклюже шарахается в сторону, словно твёрдо решил не смотреть на труп.

— Заходи сюда, — командует Эхо.

— Я не могу на это смотреть... — начинает он, его лицо всё ещё пепельное.

— Тебе и не нужно. Ты же умеешь выслеживать, так?

Он нервно переминается с ноги на ногу, поглядывая на меня и поправляя очки на переносице. Он делает это каждые несколько минут, но ещё чаще, когда нервничает. А нервничает он почти всегда. — Это единственное, что у меня хоро-

шо получается.

— Это неправда, — мягко говорит Эхо. — Но об этом мы побеспокоимся позже.

Она подходит к нему ближе, и я ловлю себя на том, что напрягаюсь, следя за каждым её движением. Она понижает голос, но мой слух отчётливо его улавливает.

— Если это будешь ты, это не должно нарушить Правдоподобие.

Глаза Джаспера расширяются. — Постой, что это значит? Роуэн делает шаг вперёд, его лицо напряжено. Наконец-то он смотрит прямо на неё. — Ты уверена в этом?

Его голос звучит спокойно, но кулаки сжаты, и всё его тело напряжено.

— Заткнись, — говорит она, даже не потрудившись на него посмотреть.

Прежде чем я успеваю спросить, какого хрена происходит, Эхо хватает Джаспера за воротник рубашки и втягивает его в поцелуй. Не просто поцелуй — глубокий, осознанный, яростный. Такой, что губит мужчин: её великолепный розовый язычок выскользнул и вторгся в его рот.

Вспышка магии вырывается из точки, где соприкоснулись их губы, потрескивая в воздухе, словно статическое электричество. Она не просто видима, но и ощущается моим носом как нечто одновременно едкое и сладкое.

Белые бабочки — настоящие, блядь, бабочки — материализуются из ниоткуда, кружась вокруг них светящейся спи-

ралью, прежде чем разлететься в разные стороны, проходя сквозь стены этого места, будто их и не существует.

Мои ноздри невольно раздуваются. Запах возбуждения безошибочен — его, не её. Нечто древнее, из более простых времён, ревёт и оживает в моей груди, продираясь когтями к горлу.

У меня нет прав на Эхо. Я едва её знаю.

И всё же...

Блядь, а её язык так же двигается, когда она...

Я обрываю мысль, прежде чем углубиться в то, к чему не готов. Я в равной степени взбешён и возбуждён, и ненавижу обе эти реакции. Врезать Джасперу по лицу за то, что он испытал то, о чём я по-дурацки фантазировал? Сейчас это звучит как потрясающая идея, хоть это и не так.

И в то же время мне как-то хочется посмотреть, как она сделает это снова.

Это такой пиздец.

Когда она отстраняется, этот счастливый ублюдок падает на колени, обмякший и ошеломлённый. Он моргает, глядя на неё снизу вверх, словно увидел лик Богини Луны, его губы приоткрыты, дыхание прерывисто.

Эхо, с другой стороны, на него не смотрит. Её лицо поднято, глаза сощурены, пока она... что-то делает. Хрен знает, что она, блядь, делает. Она отходит на пару шагов, поднимая руку в воздух, а Роуэн смотрит на неё так, словно она вот-вот загорится.

Обворожительная женщина медленно поворачивается, её волосы тускло светятся в проникающем сквозь грязные окна сарая свете. Она больше похожа на ангела, чем сдержанный Роуэн.

Правда, с моим членом во рту она вряд ли будет выглядеть так ангельски. А это... определённо должно случиться. Не знаю как. Или когда. Но это единственный способ выкинуть из головы это дерьмовое воспоминание.

И тогда я узнаю, действительно ли её язык так двигается...

Чёрт. Я говорил себе, что не сверну на эту дорожку, а теперь стою прямо на ней, будто и не собираюсь уезжать.

Рядом с мёртвым, разлагающимся трупом.

Наверное, для этого есть времена и получше.

Джаспер всё ещё стоит на коленях, глядя на Эхо, словно она — ожившая икона, при том что его член в штанах твёрд как камень. Я наклоняюсь к его уху, отчаянно желая развеять чары ради нас обоих.

— Прибери свой стояк, Ромео, — шепчу я.

— Я... нет, это не...

Он встряхивается, выходя из оцепенения, и прикрывает пах обеими руками. Глаза расширены, слова бессвязны: — Это просто реакция... магия... любой бы это почувствовал. Я не...

— Спокойно, парень.

Бушующая во мне ревность утихает. Не исчезает — я всё ещё хочу схватить его за горло и душить, пока его маленькая

ботанская башка не отвалится, — но вид его испуга немного остужает мой гнев.

По крайней мере, он не будет путаться у меня под ногами. Во всяком случае, не нарочно.

— У нас есть ещё одна зацепка, — объявляет Эхо. — Она была недостаточно сильной, но, по крайней мере, у нас есть направление.

Я щурюсь. — Это значит, тебе придётся поцеловать его снова?

Щёки Джаспера заливаются густым румянцем, хотя он продолжает смотреть на Эхо со смесью преданности и похоти. — Я... я не против.

Конечно, он, блядь, не против.

— Пока нет, — говорит она, не замечая ни моих, ни его чувств. Вместо этого она смотрит на Роуэна, и я вдруг прихожу в ярость от того, что у этого мужика такие здоровенные бицепсы. Женщинам ведь нравятся бицепсы, да? А он красив. До смешного красив. Логично, если он потомок ангелов.

Хотя, с каких это пор ангелы вообще трахаются?

Глава 107

Пип пронзительно визжит с нечестивым восторгом, пока её конечности видоизменяются и множатся — шесть насекомых лапок прорастают там, где должны быть ножки малышки, и семят по каменному полу со скоростью, которой не должен обладать ни один двухлетний ребёнок. Её смех эхом отражается от стен пещеры — высокий, пронзительный и самую малость неправильный.

При обычных обстоятельствах я бы сходила с ума из-за того, что милый маленький ребёнок превращается во что-то сродни самому нечестивому созданию на этой планете. Но мои мысли сейчас далеко.

— Осторожно! — кричит Финн, когда Пип проносится у него между ног, из-за чего он растягивается лицом в грязи. — Лили, уйми своего монстра!

Лили не отрывается от книги. — Она не мой монстр. Она наш общий монстр.

— Тогда все должны помогать! — Мальчишка вскакивает на ноги, стряхивая грязь с рубашки.

Мэддокс переворачивает страницу, прислонившись к дальней стене. Он читает старую книгу в твёрдом переплёте со стёршимися буквами, так что я понятия не имею, о чём она. — Это ты дал ей сахар.

— Не давал я!

— Ещё как давал. — В голосе Лили, когда она наконец поднимает взгляд, сочится презрение. — Я видела, как ты подсунул ей те фантики.

— Это было вчера!

— У сахара в организме Пип период полураспада — вечность, — бормочет Мэддокс.

Перепалка продолжается. Слова отскакивают от стен пещеры, усиливая хаос, пока он не становится почти осязаемым. Я стою посреди всего этого, наблюдая, как мимо проносится Пип с множеством моргающих глаз на лбу.

Это должно казаться нормальным. Почти успокаивающим в своей привычности — то, как хаос становится обыденностью, когда живёшь с детьми, которые могут по желанию отращивать крылья, хвосты и конечности.

Но что-то не так.

Не могу понять, что именно. Шум тот же. Дети те же. Даже Ашер, который с удивительной лёгкостью вписался в нашу странную семью, ведёт себя как обычно — ловит Финна, чтобы тот снова не споткнулся, не даёт Пип облизать подозрительное пятно на полу.

— Нет, не тащи это в рот, — говорит он, с лёгкостью подхватывая её на руки и оставаясь совершенно невозмутимым, хотя она больше похожа на чудовищного паука, чем на человеческого ребёнка.

И всё же по моей коже бегут мурашки от ощущения чего-то неправильного. Это ощущение пробирается под кожу,

добирается до самых костей, и становится трудно дышать. Я скрещиваю руки на груди, прижимая ладони к рёбрам, пытаюсь унять грызущее напряжение, нарастающее внутри.

Ничего не помогает.

— Лили, клянусь, если ты не встанешь и не поможешь...

— Голос Финна сливается с фоновым шумом.

Я здесь, но в то же время не здесь. Моё тело стоит в центре пещеры, словно брошенный предмет мебели, а мой разум лихорадочно ищет источник этого ужаса. Это не видение. Не голос. Ни чёткого предупреждения, ни знака. Просто чувство — настойчивое и неотложное, словно помехи в радиоэфире, которые становятся всё громче.

Я пытаюсь вдохнуть глубже, но лёгкие отказываются наполниться до конца.

Приближается опасность.

Я сильнее прижимаю кончики пальцев к бокам, пытаюсь расшифровать сбивчивые сигналы тревоги в своём теле. Это как пытаться читать Азбуку Морзе, не зная её кода — лишь настойчивые точки и тире тревоги, которые отказываются складываться во что-то осмысленное.

На другом конце пещеры взгляд Ашера снова находит мой. Он поглядывал на меня каждые несколько минут, управляясь с хаотичной энергией детей. На этот раз его взгляд задерживается. Лёгкая морщинка между его бровями становится глубже, когда он изучает моё лицо.

Он передаёт Пип — у которой теперь, вдобавок к лишним

глазам, появились треугольные кошачьи ушки и усы — Мэддоксу, который с отточенной лёгкостью принимает извивающийся свёрток. Ашер пересекает пещеру несколькими широкими шагами, и само его присутствие прорезает окружающий нас шум.

— Виолетта?

Его голос низкий, предназначенный только для меня. Моё имя на его губах до сих пор что-то переворачивает у меня внутри, даже несмотря на ужас, ползущий по моим венам. Я тянусь к рукаву его рубашки, мои пальцы сжимают ткань с едва ощутимым нажимом, стараясь не коснуться кожи. Лёгкое, почти невесомое прикосновение.

Его реакция следует незамедлительно. У него перехватывает дыхание. Его зрачки расширяются, а штормово-серые глаза темнеют ещё сильнее, когда его взгляд падает туда, где мои пальцы касаются его рубашки. Воздух между нами наэлектризовывается, и в ответ вспыхивает знакомый жар.

На мгновение я почти забываю о предупреждении, пульсирующем в моём теле. Притяжение между нами всё ещё так сильно — физическое притяжение, которое обостряет каждое нервное окончание. Но беспокойство, свернувшееся клубком в животе, нельзя игнорировать.

Я тяну его к затенённому спальному алькову, подальше от детей. Он без колебаний следует за мной.

В относительном уединении он наклоняется достаточно близко, чтобы я почувствовала его запах — тёплый, тёмный,

безошибочно ашеровский. Его дыхание овеивает мои волосы, когда он склоняется ко мне, и подходит слишком близко.

Я отступаю на шаг. Теперь появляется другое беспокойство — я почти уверена, что он неправильно понял, зачем я его сюда утащила. Если я сдвинусь ещё хоть на миллиметр, я уверена, он собирается выбросить правило «не прикасаться» в окно — не то чтобы в пещере было окно — и зацеловать меня до беспамятства, не обращая внимания на зрителей.

— Что-то приближается, — шепчу я, мой голос сдавлен от напряжения, пока я пытаюсь разрядить странную атмосферу, которую он принёс с собой. — Что-то плохое. Кажется, я это чувствую. Это странно. Может, я схожу с ума.

Перемена происходит мгновенно. Жар в его глазах не то чтобы исчезает, но преобразается, превращаясь во что-то совершенно иное. Его плечи расправляются. Челюсти сжимаются. В одно мгновение он превращается из мужчины, смотрящего на меня с желанием, в короля-воина. В защитника.

Он не ставит мои слова под сомнение. Не отмахивается от моих чувств, считая их паранойей, и не просит доказательств, которых у меня нет. Он просто кивает, принимая моё предупреждение за правду.

Моё сердце тает.

— Где? — спрашивает он, и в его голосе появляется тактическая резкость.

Я качаю головой, разочарованная собственной неопреде-

лённостью. — Не знаю. Я просто чувствую. Вот здесь. — Я прижимаю руку к груди, где угнездилась тяжесть. — Словно вот-вот случится что-то плохое.

Его взгляд окидывает пещеру, больше не сосредотачиваясь на мне. Мысленно он уже в другом мире, занимается своими альфа-делами. — Они пришли за детьми?

— Не знаю. Может, это из-за Эхо и остальных. Я не уверена. Я просто не могу отделаться от этого... чувства.

Может, у меня просто нервный срыв. В конце концов, попытка объяснить ему всё это звучит как бред, и у меня никогда не было способности предвидеть хаос или бедствия. Но что-то внутри меня знает. Это уверенность до мозга костей, в которой я не могу усомниться, сколько бы я ни пыталась отмахнуться от неё с помощью логики.

А Ашер верит.

Он посмотрел на меня без единой тени сомнения.

Он решительно кивает один раз. — Нам нужен план. Первый приоритет — обезопасить пещеру. Второй — наладить связь.

Никаких вопросов о моей уверенности. Никакого пренебрежения моей интуицией. Лишь немедленная, практическая реакция.

Я медленно выдыхаю, и напряжение в груди немного спадает. Ужас не ослабевает — если уж на то пошло, он только усиливается — но то, что я поделила его с кем-то, делает его почему-то более сносным.

— Может... нам стоит уйти из пещеры?

Тревога немного отступает, и я киваю. — Да. Нам нужно уйти из пещеры. Думаю, это может случиться... здесь.

Дышать становится немного легче.

Может, это моё воображение. Может, это просто остаточное явление после того, как я поделилась своими тревогами. Но снова это странное нечто внутри меня словно одобряет то, что я говорю.

Его рука замирает у моего локтя, не касаясь, но достаточно близко, чтобы я чувствовала его тепло. — Оставайся с детьми, — говорит он. — Я проверю, что снаружи.

— А что, если я ошибаюсь? — спрашиваю я, внезапно усомнившись в силе своей убеждённости.

Он смотрит мне в глаза, серьёзный и непоколебимый. — Значит, мы будем готовы к пустой тревоге. Но нам нужен план, если мы собираемся уходить со всеми этими детьми.

А если я права...

Что ж.

Глава 108

Ашер

Пещера Роуэна, как ни странно, находится в захудалом районе. Половина газонов заросла, а большинство семей используют свои дворы как склад, а не для красоты.

Здание, в котором разместилась странная система пещер Роуэна, выглядит так же, как и все остальные. Несколько выцветших на солнце гномов украшают то, что когда-то было чем-то вроде сада, а большинство окон заколочено. До того, как Роуэн дал нам доступ, дом внутри был таким же пустым, каким казался снаружи.

Грязный, пыльный и лишенный какой-либо жизни или даже самой простой мебели.

Я не спрашивал, какая странная магия связывает пещеру с этим местом. Эхо и те, кто с ней связан, кажется, живут по странным правилам. И хотя магия мне в целом знакома, сила и размах их способностей на много порядков превосходят все, о чем мог бы мечтать любой обычный волшебник.

Я в третий раз обхожу периметр, выискивая что-нибудь необычное, но ничто не привлекает моего внимания.

Полная тишина. Слишком полная.

Животные замолкают, когда приближается хищник. Сейчас даже птицы не поют.

«Что-то приближается», — с абсолютной уверенностью

сказала Виолетта. Не вопрос, не страх — факт.

Она чувствует то, что не должна была бы чувствовать.

Голос Фенриса вяло отзывается в моем сознании, ослабленный после нашей битвы у Фиддлбэка. Теперь он по большей части молчит, сберегая силы, но предупреждение Виолетты разбудило его.

Его сила велика, но и цена за ее использование столь же велика.

Я хмыкаю. Он звучит слишком задумчиво, но у меня нет желания расспрашивать дальше. Есть дела поважнее. Я не задаю вопросов.

Это больше, чем просто чувство. Любопытство волка волнами расходится по нашему общему сознанию. Человек не должен ощущать опасность раньше волка. Она проявляет черты, которыми не должна обладать. Тебе не интересно, что это говорит о том, кто она на самом деле?

Я стискиваю зубы. Плевать. Она — Виолетта.

Это не ответ. Она может быть...

Она — Виолетта. Я обрываю его со вспышкой раздражения. Моя Пара. Это все, что сейчас имеет значение. Если приближается угроза, мы увозим ее и детей. Ничто другое не имеет приоритета.

Фенрис фыркает — неохотная уступка, а не согласие. Он очарован Виолеттой не меньше меня, но такое чувство, будто мы поменялись ролями с тех пор, как он впервые встретил ее во время Охоты на пару Голубой Горы.

Напряжение прерывает вибрация телефона. На экране высвечивается имя Волчьего Глаза.

«Докладывай», — бросаю я низким голосом, ожидая у входной двери. Скоро я войду, но не хочу, чтобы дети услышали плохие новости.

«Думаю, мы возвращаемся в вашу сторону», — отвечает Волчий Глаз, его голос звучит по-жестяному из динамика. «Связь тут дерьмовая».

Он слишком далеко, чтобы использовать связь стаи. Хотя я могу связаться с любым волком на территории моей стаи, все, что находится за пределами пятнадцатимильного радиуса, — слишком далеко.

«Вы едете сюда или ищете что-то другое?»

«Насчет этого... — в его голосе слышится колебание. — Она еще не поделилась нашим точным пунктом назначения. Едем вслепую. Ну, ты же знаешь Эхо. Она как открытая книга. У которой все страницы склеены».

Я хмыкаю, не удивленный. Определяющая черта этой женщины — ее отказ давать прямые ответы.

«Мы эвакуируемся из пещеры. У Виолетты... предчувствие. Что-то надвигается».

Наступает пауза, слишком долгая, чтобы быть случайной. На заднем плане я слышу бормотание голосов — Волчий Глаз передает информацию.

«Эхо говорит, это разумно, — наконец отвечает он. — Она говорит, Виолетта должна взять ее пикап и дом на коле-

сах. Примерно в сорока милях к северо-востоку есть удаленное место для автономной стоянки — что бы это, черт возьми, ни значило. Достаточно уединенное, чтобы переждать. Виолетта знает, как все обустроить».

Я щурюсь от такого быстрого ответа. «Эхо это предвидела?»

«Ты ведь с ней знаком, верно? — в голосе Волчьего Глаза звучит сухость. — Я скину координаты сообщением. Встретимся там, когда сможем».

«Хорошо». Я не утруждаю себя прощанием и заканчиваю звонок, нажав на экран большим пальцем.

Понятия не имею, что такое эта автономная стоянка, но я разберусь. Приоритет сейчас — действовать, а не разбираться в терминологии.

Вернувшись ко входу в пещеру, я в последний раз осматриваю окрестности, прежде чем войти внутрь. В небе сгущаются тучи, густые и серые. Дождь скроет наш запах, если нас кто-то выслеживает. И то хорошо.

Внутри Виолетта уже собрала детей с впечатляющей эффективностью. Каждый сжимает в руках небольшой рюкзак, у всех серьезные лица. Даже Пип, сейчас в полностью человеческом облике — что случалось редко, — слегка подпрыгивает на носочках, но молчит, ее круглое личико необычно серьезно.

Финн стоит ближе всех к моей Паре, его лицо искажено беспокойством. Глаза Лили нервно мечутся к входу, когда я

захожу, ее рука что-то сжимает. Мэддокс стоит выпрямившись, в его подростковой фигуре уже угадываются черты будущего мужчины, и на его плечах самый большой рюкзак.

Я бросаю взгляд на содержимое, виднеющееся из открытого верха рюкзака: подгузники, салфетки, детская смесь, маленький плюшевый кролик. Детские принадлежности для Пип. От его внимания к деталям у меня неожиданно сжимается что-то в груди.

Однажды из этих детей получатся грозные члены стаи.

Какая-то первобытная сила внутри меня уже признала их стаей. Независимо от их родословной, они будут считаться Ликанами, если решат остаться.

«Еда?» — спрашиваю я, встречаясь взглядом с Виолеттой.

Она кивает, ее светлые волосы туго стянуты назад. Я скусаю по каштановым, но приму ее с любым цветом.

«Правильно. С детьми она нам понадобится. У меня с собой упаковано только несколько закусок».

Без колебаний я хватаю запасную брезентовую сумку Роуэна с крючка на стене и направляюсь к небольшой кухонной зоне. Я не утруждаю себя выбором — просто хватаю все, что выглядит съедобным и портативным. Яблоки, протеиновые батончики, упаковки вяленого мяса, несколько каких-то консервных банок. Все это летит в сумку.

«Пип нужна ее чашка», — говорит Виолетта у меня за спиной, протягивая руку мимо меня, чтобы схватить с прилавка фиолетовую чашку-непроливайку.

Ее рука задевает мою сквозь ткань рукавов, и даже этот непрямой контакт прошибает меня током. Связи между нами плевать на время и обстоятельства — она с радостью понуждает меня швырнуть Виолетту на ближайшую ровную поверхность и сорвать каждый клочок ткани, что стоит между нами.

Не время, но брачная связь волка никогда не считалась рациональной.

Снаружи пикап Эхо стоит там, где мы его оставили. До сих пор я никогда не разглядывал его вблизи. Машина кажется достаточно надежной, хотя я сомневаюсь, что мы все в ней поместимся.

Виолетта уже выстроила детей в ряд, ее движения четкие и решительные, пока она держит малышку на руках. «Мэд-докс, помоги Лили с ее сумкой. Финн, держись рядом».

На мгновение воцаряется неуверенность, когда мы все уставляем на кабину пикапа.

«Мы вообще все поместимся?» — с сомнением спрашивает она.

Я тянусь мимо нее, открываю дверь, за которой обнаруживается сплошное сиденье. Отработанным движением я поднимаю спрятанное среднее сиденье, которое было сложено. «Шестеро влезут. Еле-еле».

Виолетта выглядит скептически, ее взгляд метнулся к Пип, которая сейчас перегнулась через ее руки, пытаясь пожевать рукав Лили. Я разделяю ее сомнения в способности

малышки выдержать долгую поездку, не устроив хаос, но у нас нет выбора.

Пока мы грузимся, атмосфера остается тяжелой. Дети забираются внутрь без обычных споров или хаоса. Они тоже это чувствуют — важность быстрых сборов, весомость предупреждения Виолетты.

Умные дети.

Мэддокс помогает пристегнуть Пип на заднем сиденье самодельным подобием ремня безопасности, а Лили садится с другой стороны, чтобы ее сдерживать. Финн неохотно втискивается на середину переднего сиденья, его маленькая фигурка едва занимает место между мной и Виолеттой.

Я вставляю ключ — предусмотрительно оставленный в замке зажигания — и двигатель с ревом оживает. Беспечность Эхо в отношении безопасности ее машины сегодня нам на руку, хотя кажется странным, что ведьма могла совершить такую вопиющую ошибку.

Пип громко хрустит яблоком, и этот звук пугающе резок в напряженной тишине. Никто не говорит. Никто не задает вопросов. Дети, на удивление, кажется, понимают всю серьезность ситуации.

Виолетта встречается со мной взглядом через всю кабину, ее зеленые глаза смотрят уверенно и доверчиво. Между нами проскальзывает что-то невысказанное — понимание, общая решимость.

«Мы возвращаемся за домом на колесах», — говорю я ей,

и она кивает.

Я веду машину.

Виолетта не произносит ни слова.

Дети тоже.

Нечего больше говорить, когда единственное, что имеет значение, — это убраться отсюда.

Глава 109

— Вот мы и на месте, — говорю я, указывая через лобовое стекло на то, как мы въезжаем в кемпинг. Пятиколесный дом на колесах Эхо стоит там же, где мы его и оставили, приютившись на фоне красивого леса.

Когда мы приехали сюда в первый раз, он выглядел прекрасным и свободным.

Сегодня он выглядит... зловеще.

Все зависит от точки зрения, наверное.

— Что-то не так? — спрашивает Ашер, и его голос рокошет в кабине пикапа. Дети притихли, даже Пип. Они понимают опасность так, как не должен понимать ни один ребенок.

Я качаю головой, но кожа на затылке покрывается мурашками. — С виду все в порядке.

Но на душе беспокойно.

Дом на колесах стоит нетронутый. Ни разбитых окон. Ни выбитой двери. Ни единого признака вторжения. И все же... что-то тяжелое висит в воздухе. Давление в груди. Шепот за гранью слышимости. Мои пальцы впиваются в ткань джинсов.

— Давай заведем детей внутрь, — говорит Ашер со стальным взглядом, осматривая линию деревьев. Он тоже это почувствовал. Или просто по натуре подозрителен.

— Наконец-то! — бормочет Финн, отстегиваясь на сред-

нем сиденье и выходя за мной из машины. — Мне так сильно хочется в туалет, что я сейчас лопну.

Ладно, может, они напуганы не так сильно, как я думала.

— Фу, — бормочет Лили, вылезая с заднего сиденья. Ее покрасневшие глаза с нескрываемым облегчением метнулись к дому на колесах; она определенно напряжена сильнее, чем младший мальчик.

Мэддокс, конечно, как всегда по-подростковому невозмутим — он подхватывает Пип и спрыгивает на землю.

— Осторожно, ребята. Держитесь рядом.

— Мы знаем, — хором отвечают Лили и Финн. Они уже несутся напрямик к двери дома на колесах.

Финн добегают первым и дергает за ручку.

Ничего не происходит.

— Заперто, — хнычет он, переминаясь с ноги на ногу.

— Подожди, — говорю я, роюсь в кармане в поисках ключа, который мне дала Эхо. — У меня есть.

Я протягиваю ему ключ и смотрю, как он вставляет его в замок и поворачивает.

Ни щелчка. Дверь не поддается. Она остается наглухо закрытой.

— Дай-ка мне, — Лили проталкивается вперед, ее коса качается, когда она хватается за ручку и трясет ее с удивительной для девятилетней девочки силой. — Ее заклинило.

— Может, ключ не тот? — предполагает Мэддокс, пересаживая Пип себе на бедро.

— Нет, определенно тот.

— Дай-ка я попробую. — Мэддокс шагает вперед, поудобнее усаживая Пип на бедре.

Он хватается ручку, дергая с силой, на которую не был способен ни один из младших детей. Ничего. Дверь упрямо не открывается, словно ее заварили.

Пип в руках Мэддокса наклоняется вперед и тянет свои пухлые ручки к двери. Прежде чем я успеваю ее остановить, она начинает колотить крошечными кулачками по металлической поверхности, издавая глухие удары.

— Пип, милая, это не по... — начинаю я, но выражение ее лица останавливает меня. Она такая милая, ее огромные глаза сосредоточенно сощурились.

Неважно. Продолжай стучать. Это восхитительно.

Но по спине пробегает неприятный холодок, и я оглядываюсь. Снаружи никого нет, никто не наблюдает, но все равно какое-то ощущение...

Неправильное.

— Так, все, отойдите с дороги, — приказываю я детям, и они послушно отступают. Пип хмуро смотрит на дверь из-за плеча Мэддокса.

Ашер подходит ближе, его тело — стена тепла у меня за спиной. Это ощущение покаяния не неприятно — оно почти заземляет по сравнению с подкрадывающимся беспокойством, преследующим меня весь день.

Я шагаю вперед, внезапно смутившись под всеобщими

взглядами. Я крепко сжимаю ключ, костяшки пальцев белеют. Еще один глубокий вдох, и я вставляю его в замок.

Ключ поворачивается плавно. Без сопротивления. Ручка поддается под моей ладонью, и дверь с тихим скрипом распахивается.

— Видите? Ее просто заклинило, — говорю я, стараясь, чтобы это прозвучало беззаботно, хотя сердце колотится где-то в горле. — Заходите.

Я вхожу внутрь, и меня встречает знакомое пространство дома на колесах Эхо — уютные ткани в богемном стиле, легкий запах благовоний, разноцветные стеклянные бутылочки, ловящие послеполуденный свет. Но воздух слишком неподвижен и пуст, словно дом покинули.

Прошло всего-то дня два.

Все мои чувства чрезмерно обострены из-за страха. Вот и все.

Я стала параноиком.

— Финн, можешь идти в туалет первым, — говорю я, оборачиваясь к двери. — Потом Лили.

Но Финн не заходит за мной. Он застыл на пороге с недоуменным выражением лица.

— Я не могу, — говорит он.

— В смысле не можешь? Туалет же вон там. — Я указываю в заднюю часть дома на колесах. На самом деле их там два, но я думаю, Эхо не захочет, чтобы они пользовались тем, что примыкает к ее спальне.

Финн делает шаг вперед — по крайней мере, пытается. Его нога достигает дверного проема и останавливается, словно он наткнулся на невидимую стену. Он упирается в пустоту, его кроссовок встречает сопротивление там, где его быть не должно.

— Я не могу войти, — говорит он, и его голос срывается. — Оно меня не пускает.

Лили отталкивает его, закатывая глаза. — Ты просто драматизируешь. — Но с ней происходит то же самое. Она ударяется о невидимый барьер и слегка отскакивает назад, ее покрасневшие глаза расширяются. — Какого черта?

— Выражения, — машинально говорю я, но во рту у меня пересохло.

Следующим подходит Мэддокс, все еще держа Пип на руках. Его выражение лица мрачнеет, когда он протягивает руку к дверному проему. Его ладонь упирается в пустоту, словно он касается стекла. Пип издает раздосадованный звук, тянется ко мне, и ее маленькие пальчики растопыриваются на той пустоте, что ее не пускает.

— Виолетта, — произносит Ашер, и его голос звучит как тихое предостережение. Ему не нужно ничего объяснять. Мы оба знаем, что это ненормально.

— Эй, дети, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Почему бы вам не подождать минутку у пикапа? Мне нужно позвонить Эхо.

— Но мне нужно в туалет! — шипит Финн, подпрыгивая

на месте.

— Сходи за дерево, — бормочет Мэддокс, уже уводя их.
— Как нормальное животное.

— Я сейчас не животное! — возражает младший, но все же идет за ним. Лили задерживается, сощулив глаза, смотрит на дом на колесах.

— Это магия, да? — тихо спрашивает она.

Умный ребенок. Слишком умная себе во вред. — Эхо, наверное, наложила на него заклятие от незваных гостей. — Что в данный момент одновременно и приносит облегчение, и до невероятности неуместно.

Когда они отходят на безопасное расстояние, Ашер шагает вперед, и его массивная фигура заслоняет солнце. Он тянется к двери — без колебаний, без удивления, когда его рука без сопротивления проходит сквозь барьер. Он заходит внутрь, становясь так близко, что я чувствую его запах. Его темный аромат, словно из рекламы одеколona, как всегда отвлекает.

Его серые глаза осматривают интерьер дома на колесах, ничего не упуская. — Защитное заклятие. Но почему оно не пускает детенышей, а нас — пускает?

— Очевидно, Эхо не знала их, когда накладывала его. Просто дай мне минуту. Я ей позвоню.

Глава 110

Я достаю телефон из кармана, руки слегка дрожат, пока я ищу номер Эхо. Один гудок, второй, третий. С каждым гудком без ответа моё сердце уходит в пятки. Что, если она не ответит? Что, если с ней что-то случилось? Что, если...

— Виолетта? — голос Эхо раздаётся в ухе, она звучит немного запыхавшейся. — Я как раз о тебе думала.

Меня накрывает волна облегчения. — Эхо, слава Богине. У нас проблема.

— А когда у нас их нет? — отвечает она, но сарказм звучит натянуто. — Что происходит?

— Мы у дома на колёсах, но дети не могут войти. Там какой-то... барьер, он их не пускает.

— А, это, — в голосе Эхо ни тени беспокойства. — Защитный барьер. Техника безопасности. Надоело, что всякие козлы вламываются, когда я паркуюсь где-нибудь в глуши. Он отключится, как только ты прицепишь его к грузовику. Не переживай.

— Не переживай... — я проглатываю остаток фразы, прекрасно зная о маленьких ушках. — Ладно. Спасибо.

— В остальном всё в порядке? — спрашивает она, её голос внезапно становится резче.

Я медлю, не желая озвучивать подступающий ужас, змеей ползущий по спине. — Да. Мы в порядке.

— Хм, — звучит она неубеждённо. — Позвони, если что-нибудь ещё понадобится. Я серьёзно.

Я вешаю трубку и поворачиваюсь к детям. — Небольшое изменение в планах. Дверь не откроется, пока мы не подцепим дом на колёсах к грузовику.

— Но мне нужно в туалет! — воет Финн.

— Сходи под деревья, — говорит Лили, указывая пальцем.

— Я не буду писать под деревьями! Там могут быть медведи!

— Там точно есть медведи, — невозмутимо говорит Мэддокс.

Глаза Финна расширяются от ужаса.

— Хватит, — голос Ашера прерывает перепалку. Дети тут же замолкают. Даже Пип уставилась на него своими огромными, серьёзными глазами. — Все обратно в грузовик. Заприте двери. Я помогу Виолетте подготовить дом на колёсах.

— Думаю, вам всем стоит остаться в грузовике, — тихо говорю я. — И тебе тоже.

Ашер щурится. — Ты не справишься с этим одна.

— Я видела, как это делала Эхо. Это не так уж и сложно.

— Тогда я помогу, чтобы было быстрее.

Я качаю головой. — Когда-нибудь раньше собирал дом на колёсах?

— Нет.

— Тогда будешь только мешаться. Оставайся с детьми. Я

сама.

Он раз кивает и широким шагом возвращается к грузовику. Я дрожаще выдыхаю, испытывая облегчение от того, что теперь у меня есть место для работы без его нависшего присутствия, которое лишь усиливало мою тревогу.

Оставшись одна, я двигаюсь быстрее. Внутри всё, что плохо лежит, запикивается в ближайшие шкафчики. Определённые предметы мебели сдвигаются вместе, чтобы они не перемещались при тряске трейлера. Всё сомнительное отправляется на кровать Эхо в передней части.

Затем нужно убедиться, что в раковине нет грязной посуды.

Быстрое нажатие кнопки опорожняет бак для сточных вод. Эхо любит промывать его несколько раз, но у меня постоянно колет в затылке, поэтому я пропускаю этот дополнительный шаг. Следующими идут баки для «серой» воды. Немного воды, немного средства для очистки баков — и всё готово к отправлению.

Выдвижные секции задвигаются, и дом на колёсах готов — по крайней мере, внутри.

Снаружи всё идёт быстрее. Отсоединить водяной шланг и электричество. Убрать мерзкие канализационные шланги. Использовать примерно полбутылки дезинфицирующего средства, хоть я и была в перчатках. Вытащить из-под колёс странные треугольные колодки, которые должны мешать им двигаться. Когда всё готово, я стучу в окно Ашеру и прошу

его подъехать назад, чтобы мы могли прицепить трейлер.

В целом, я думаю, это заняло около сорока пяти минут. Уверена, Финн уже готов лопнуть, и я лишь наполовину уверена, что всё сделала правильно.

Я дышу часто и поверхностно, чувство, что за мной наблюдают, усиливается с каждой минутой.

Я останавливаюсь, снова осматривая деревья. Ничего не движется, кроме листьев, шевелящихся на ветру.

— У тебя паранойя, — шепчу я сама себе.

Тяжело сглотнув, я нажимаю кнопку, чтобы убрать выдвижные секции. Механическое жужжание кажется непристойно громким в тишине леса. По спине, несмотря на прохладный воздух, стекает струйка пота.

Ашер отвёл Финна в туалет кемпинга, а я вот-вот лопну от беспокойства. К счастью, чистый ужас перед тем, «что если», каким-то образом блуждает по идеям об ужасных катастрофах, а ужасные катастрофы напоминают мне выключить газовые баллоны.

Это было бы опасно.

Готово. Всё, что показывала Эхо, сделано. Наверное. Надеюсь.

Если я сломаю её трейлер, очень надеюсь, она не слишком разозлится, но если не считать этого маленького страха? Вспыхивает крошечная искра гордости.

Я всё сделала. Сама.

Теперь трейлер готов к отъезду.

И всё же я не медлю, чтобы насладиться этим чувством. Вместо этого я мчусь обратно к грузовику, внезапно отчаянно желая ни секунды больше не оставаться одной.

Как только мои пальцы касаются ручки двери, что-то движется в деревьях позади меня — вспышка тени, шорох, слишком преднамеренный, чтобы быть ветром.

Я замираю, резко оборачиваясь, сердце колотится в горле. Ничего. Лишь залитая солнцем листва и лёгкое покачивание сосновых ветвей.

— Ветер, — шепчу я. — Просто ветер.

Но я-то знаю, что это не так.

Я дёргаю на себя дверь грузовика и забираюсь внутрь, хлопывая её за собой.

— Что-то не так? — спрашивает Мэддокс, слишком уж наблюдательный.

— Нет. Просто ветер. — Заперев двери, я глубже усаживаюсь в кресло. Ашер и Финн скоро должны вернуться. — Готовы к нашему приключению?

— Приключению? — растерянно спрашивает Лили. — Я думала, мы убегаем.

— Мы не убегаем, — говорю я, заставляя свой голос звучать бодро. — Мы просто проявляем излишнюю осторожность. Как учебная пожарная тревога, понимаете? Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Глаза Лили сужаются, на её маленьком личике застыл скептицизм. — Тогда почему ты сказала нам собрать все на-

ши вещи?

У меня скручивает живот. — Потому что нас может не быть несколько дней. Это приключение, пока мы ждём возвращения Роуэна.

— Приключение, — бесцветным голосом повторяет она.

Я киваю с большей убеждённостью, чем чувствую на самом деле. — Именно. Мы найдём хороший кемпинг. Вы сможете всё исследовать, а по ночам мы будем делать сморз. — Я перебарщиваю, но, кажется, не могу остановиться. — Будет весело. Обещаю.

Мэддокс ловит мой взгляд в зеркале заднего вида. Его тёмные глаза пронзают моё враньё, как нож сквозь масло. Он знает. Конечно, он знает. Лёгкий наклон головы, напряжённые желваки — он не выводит меня на чистую воду, но и не верит ни единому слову.

Я отвожу взгляд первой, не в силах больше выдерживать его взгляд. Стыд ползёт вверх по шее.

— А как же Роуэн? — настаивает Лили. — Как он нас найдёт?

— Он с Эхо, а Эхо рассказала нам про этот кемпинг. Не переживай.

Пип гулит на своём месте между ними, у неё прорастают тонкие кроличьи ушки. Они постоянно дёргаются. Должно быть, она улавливает мою тревогу.

— Всё в порядке, Пип, — я тянусь назад, чтобы погладить её по щеке. Кроличьи ушки втягиваются, сменяясь обычны-

ми человеческими. — Всё хорошо. Может, мы даже заскочим в магазин и купим тебе настоящее автокресло. Было бы весело, да?

— У-у, — щебечет она.

Ещё одна ложь. Ничего не в порядке. Я понятия не имею, что делаю и куда мы едем. Я знаю только, что мы не можем здесь оставаться.

Глава 111

Волчий Глаз

Три часа тишины — мой предел. Я тереблю ручку громкости, просто чтобы занять руки. Например, чтобы не проводить ими по растрёпанной Пип, которую Эхо создала из своих радужных волос.

— Так... сон. Люди ведь всё ещё спят, да?

Она не смотрит на меня. — Я в порядке.

Ладно.

От этих двух слов температура в машине падает градусов на десять. Не буквально, хотя со способностями Эхо — кто знает. Я откашливаюсь и откидываюсь на спинку сиденья.

Она сама не своя с тех пор, как позвонила Виолетта. У этой девчонки талант находить неприятности, который может поспорить с талантом Ашера наживать врагов. То, что они связаны друг с другом, — просто космическая ирония.

Хотя она кажется милой. Достаточно милой, чтобы такая дикая ведьма, как Эхо, хранила ей верность.

Я ревную? Может, немного.

— Куда мы вообще едем? — спрашиваю я подчёркнуто небрежно, пытаюсь выудить хоть какую-то реакцию, кроме её каменной сосредоточенности на дороге.

Но отвечает, чёрт побери, не Эхо.

— Вообще-то, мы возвращаемся туда, откуда начали, —

раздаётся с заднего сиденья голос Джаспера, такой восторженный, что у меня сводит скулы. — Лей-линии вокруг территории Фиддлбэк просто поразительны — они извиваются так, как я никогда раньше не видел. Поток маны создаёт эти... эти прекрасные реки света, которые пересекаются и расходятся. Теперь я могу их видеть, что и объясняет, как работает моё отслеживание. Это как будто след оставляет рябь на...

Я стискиваю зубы так сильно, что удивляюсь, как они не треснули. Мне не нужна лекция от этого горе-волшебника. Особенно когда он отвечает за неё, будто они теперь какая-то команда.

То, как он на неё смотрит — будто она, блядь, лично для него повесила на небе луну и звёзды, — вызывает у меня отвращение. Словно она его личная богиня только потому, что провернула какой-то магический фокус своими губами.

Он продолжает ещё пару минут, сыпля терминами из этой своей странной магической науки, которую я не понимаю, и наконец заканчивает: «Так... а кого именно мы отслеживаем?»

Эхо отвечает безэмоционально: «На теле был чей-то волос. Мы отслеживаем этого человека».

— Но в волоске было недостаточно энергии, чтобы я мог его отследить, — его голос звучит, как у растерянного грёбаного щенка. Ни одной извилины в его ботанской башке.

Её взгляд метнулся к зеркалу и обратно на дорогу. — По-

этому я тебя и подпитала.

Волшебник издаёт тихое «а-ах», и из этого единственного слога сочится разочарование. В этот момент что-то во мне ломается.

— Что, думал, она поцеловала тебя, потому что ты особенный? — спрашиваю я, и каждый мой слог пропитан сарказмом с привкусом горькой ревности.

Джаспер откашливается и откидывается на сиденье.

Я даже не до конца понимаю, что она сделала — полагаю, какая-то странная передача магической энергии, требующая контакта рот в рот, — но мысль о том, что этот сопливый волшебник поверил, будто она его хотела, заставляет мою кровь закипать.

Эхо снова бросает взгляд в зеркало заднего вида, замечая ссутулившуюся фигуру Джаспера. Себе под нос, достаточно громко, чтобы я услышал, она бормочет: «Люди такие хрупкие».

Крошечная вспышка триумфа расцветает у меня в груди. Значит, интереса нет. Угрозы нет.

— Я могла бы помочь тебе с этим блоком, если хочешь, — небрежно бросает она, снова сосредоточившись на дороге.

Моё сердце спотыкается.

— Каким магическим блоком? — тут же оживляется Джаспер, словно увядшее растение, получившее глоток божественной радужной воды.

Она пожимает плечом. — Сложно объяснить. Поймёшь,

когда начнёшь как следует чувствовать аркану.

И вот так просто моя мимолётная победа рассыпается в прах. Я отворачиваюсь к окну, глядя на размытые силуэты тёмных деревьев.

Конечно, мальчик-волшебник получит особые уроки. Конечно, они могут болтать о магии, энергии и лей-линиях, словно это интимные беседы в постели. А я тем временем сижу здесь и представляю, каково было бы, если бы она протянула руку и...

Блядь. Это не я. Я не ревную. Я не становлюсь собственником. Я тот парень, который умеет разделять дела и удовольствия. Парень, у которого было больше женщин, чем большинство мужчин встречают за всю жизнь.

Но всё, о чём я могу думать, — это какой тёплой была кожа Эхо, когда она в последний раз схватила меня за запястье, и как хорошо она пахнет. Ромашкой и чем-то неуловимо цитрусовым — может, цветами апельсина. Мягко. Не как духи.

Тот запах, который не замечаешь сразу, но стоит ему попасть в лёгкие, и он остаётся там. Тёплый. Знакомый. Словно начало воспоминания.

У меня встаёт, едва я улавливаю её аромат, а это значит, что я борюсь с этим уже несколько часов с переменным успехом.

Возьми себя в руки, парень. Не время хотеть, чтобы тебе подрочили. Ты справлялся и с искушениями посильнее.

Мой волк скулит у меня в голове. Он всё ещё в ужасе от неё. Это должно бы меня отталкивать, но нет ничего лучше, чем вожацелеть женщину, достаточно сильную, чтобы запугать моего волка.

У большинства из нас не такие отношения со своими волками, как у Ашера. Некоторые более болтливы, чем другие, и обычно, чем сильнее волк, тем больше он говорит.

Мой говорит мало. Обычно предпочитает обходиться рычанием, воем и редким фырканием. Он может говорить так часто, как захочет... ключевой момент — если захочет.

Он ясно дал понять, что не хочет со мной разговаривать, и не станет тратить энергию, если в этом нет крайней необходимости.

Хотя мы неплохо ладим.

«Да неужели?» — кисло спрашивает он. — «Если мне придётся вытерпеть ещё один образ твоего члена, я могу сам его откусить в следующее полнолуние».

Мои колени рефлексивно сжимаются, и Эхо бросает на меня взгляд, приподняв бровь.

Я делаю вид, что мне просто нужно было сменить позу, и это паршиво, потому что я только что удобно устроился.

«Заткнись», — рычу я на своего волка, который обычно безупречно умеет молчать. Полагаю, он устал от моего похотливого воображения. Не могу его винить: это немного утомляет даже меня.

Каждый раз, когда мы проезжаем мимо ресторана? Ду-

маю о том, чтобы бросить её на стол. Остановки для отдыха? Взять её прямо в кабинке туалета. Лес? Трахнуть её, прижав к дереву. Когда нет ничего конкретного для фантазий, я представляю, как она протягивает руку и надрачивает мне, пока я не забрызгаю всю её приборную панель. Как мило будет, когда она отругает меня за устроенный беспорядок. Как она, возможно, оближет свои пальцы, чтобы очистить их...

«Я его откушу», — предупреждает мой волк.

Чёрт.

Я смотрю на лицо Эхо. Она хмурится, глядя на дорогу, будто та её чем-то оскорбила.

Если она сейчас врежется вместе с нами в дерево, по крайней мере, я умру, глядя на неё.

Глава 112

Мой телефон вибрирует в нише консоли как раз в тот момент, когда я замечаю, что Волчий Глаз наконец-то заткнулся. Он сполз на пассажирском сиденье, наполовину закрыв лицо рукой — наверное, думает, я не пойму, что он всё ещё не спит. Его дыхание и близко не походило на дыхание спящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.